

Обзорная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-236-251>

**ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«РАССОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ», ПОСВЯЩЕННОЙ 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО, ПЕДАГОГА, ПИСАТЕЛЯ,
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА РАССОЛОВА (1948–2013),
ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ),
9–14 ОКТЯБРЯ 2023 Г.**

Сырых Владимир Михайлович¹

Барзилова Инна Сергеевна²

Трофимов Василий Владиславович³

Шайхутдинов Евгений Маратович⁴

Панченко Владислав Юрьевич⁵

Егоров Геннадий Геннадьевич⁶

Кузнецова Елена Владимировна⁷

Игнатова Каринэ Эдуардовна⁸

Кузьмин Игорь Александрович⁹

Милованова Дарья Борисовна¹⁰

Небратенко Ольга Олеговна¹¹

Тихонов Ярослав Игоревич¹²

Фатьянов Антон Андреевич¹³

Полуничев Артур Игоревич¹⁴

¹ Российский государственный университет правосудия, 117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, корп. «а»

^{2,13,14} Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1

³ Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 392000, г. Тамбов, Россия, ул. Интернациональная, д. 33

⁴ Арбитражный суд Челябинской области, 454091, г. Челябинск, Россия, ул. Воровского, д. 2

^{5,10} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

⁵ Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, Россия, пр. Свободный, д. 79

^{6,8} Волжский филиал Волгоградского государственного университета, 404133, г. Волжский, Россия, ул. 40 лет Победы, д. 11

^{7,12} Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 160002, г. Вологда, Россия, ул. Щетинина, д. 2

⁹ Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, Россия, ул. Шевцова, д. 1

¹¹ Академия управления МВД России, 125171, г. Москва, Россия, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

¹ 2707xyz@mail.ru

² isbarzilova@msal.ru

³ iptgutv@mail.ru

⁴ shzh1@yandex.ru

⁵ panchenkovlad@mail.ru

⁶ egorov@vgi.volsu.ru

⁷ kuznecova_ev@mail.ru

⁸ ignatova_ke@vgi.volsu.ru

⁹ grafik-87@mail.ru

¹⁰ avdasha@yandex.ru

¹¹ onebratenko@yandex.ru

¹² tixon76rus@mail.ru

¹³ a.a.fatyanov@yandex.ru

¹⁴ poluni4ev.artur@yandex.ru

Аннотация

9–14 октября 2023 г. во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Расоловские чтения», посвященная 75-летию со дня рождения ученого, педагога, писателя, доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Расолова (1948–2013). На конференции выступили ведущие российские ученые-юристы, которые сформулировали положения о месте философии права в научном познании;

об отечественных правовых ценностях и традициях; о государственно-правовой политике в сфере научно-технологического развития; о противоправной природе злоупотребления правом; о доказательственной природе юридических фактов; о правильности широкого подхода к пониманию системы публичной власти; о правовом регулировании межнациональных и межконфессиональных отношений; о потенциале искусственного интеллекта к приобретению правового статуса; об изменениях законодательства о государственном языке; о взаимосвязи правовой доктрины со смежными понятиями; о публично-рекомендательного аспекта юридической превенции; о милитаризации уголовной системы СССР в период Великой Отечественной Войны с целью скорейшей победы над фашистской Германией.

Ключевые слова: философия права; правовые ценности; правовая система; государственно-правовая политика в сфере научно-технологического развития; юридические средства; злоупотребление правом; юридический факт; доказывание; информатизация социальной сферы; публичная власть; национальная политика; искусственный интеллект; государственный язык; правовая доктрина; юридическая превенция; военное право; уголовное право.

Для цитирования: Сырых В. М., Барзилова И. С., Трофимов В. В., Шайхутдинов Е. М., Панченко В. Ю., Егоров Г. Г., Кузнецова Е. В., Игнатова К. Э., Кузьмин И. А., Милованова Д. Б., Небратенко О. О., Тихонов Я. И., Фатьянов А. А., Полуничев А. И. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Рассоловские чтения», посвященной 75-летию со дня рождения ученого, педагога, писателя, доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Рассолова (1948–2013), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 9–14 октября 2023 г. // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 236–251. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-236-251>

Review article

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “RASSOLOV READINGS,” DEDICATED TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE SCIENTIST, TEACHER, WRITER, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR MIKHAIL MIKHAILOVICH RASSOLOV (1948–2013), ALL RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE, 9–14 OCTOBER 2023

Vladimir M. Syrykh¹

Inna S. Barzilova²

Vasily V. Trofimov³

Evgeniy M. Shaikhutdinov⁴

Vladislav Yu. Panchenko⁵

Gennady G. Egorov⁶

Elena V. Kuznetsova⁷

Karine E. Ignatova⁸

Igor A. Kuzmin⁹

Daria B. Milovanova¹⁰

Olga O. Nebratenko¹¹

Yaroslav I. Tikhonov¹²

Anton A. Fatyanov¹³

Artur I. Polunichev¹⁴

¹ Russian State University of Justice, 69, Bldg. A Novocheremushkinskaia St., Moscow, 117418, Russia

^{2,13,14} Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9, Bldg 1 Sadovaia-Kudrinskaia St., Moscow, 123242, Russia

³ Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 33 Internationalnaia St., Tambov, 392000, Russia

⁴ Arbitration Court of the Chelyabinsk Region, 2 Vorovskoi St., Chelyabinsk, 454091, Russia

^{5,10} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

⁵ Siberian Federal University, 79 Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

^{6,8} Volzhsky Branch of Volgograd State University, 11 40 Years of Victory St., Volzhsky, 404133, Russia

^{7,12} Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2 Shchetinina St., Vologda, 160002, Russia

⁹ Irkutsk Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1 Shevtsova St., Irkutsk, 664035, Russia

¹¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 8 Zoe and Alexandra Kosmodemianskikh St., Moscow, 125171, Russia

¹ 2707xyz@mail.ru

² isbarzilova@msal.ru

³ iptgutv@mail.ru

⁴ shzh1@yandex.ru

⁵ panchenkovlad@mail.ru

⁶ egorov@vgi.volsu.ru

⁷ kuznecova_ev@mail.ru

⁸ ignatova_ke@vgi.volsu.ru

⁹ grafik-87@mail.ru

¹⁰ avdasha@yandex.ru

¹¹ onebratenko@yandex.ru

¹² tixon76rus@mail.ru

¹³ a.a.fatyanov@yandex.ru

¹⁴ poluni4ev.artur@yandex.ru

Abstract

On 9–14 October 2023, the All-Russian Scientific and Practical Conference “Rassolov Readings” was held at the All-Russian State Justice, dedicated to the 75th anniversary of the birth of the scientist, teacher, writer, Doctor of Law, Professor Mikhail Mikhailovich Rassolov (1948–2013). Leading Russian legal scholars spoke at the conference and formulated provisions on the place of legal philosophy in scientific knowledge; about domestic legal values and traditions; on state legal policy in the field of scientific and technological development; about the illegal nature of abuse of rights; on the evidentiary nature of legal facts; about the correctness of a broad approach to understanding the system of public power; on the legal regulation of interethnic and interfaith relations; about the potential of artificial intelligence to acquire legal status; on changes in legislation on the state language; about the relationship of legal doctrine with related concepts; on the public advisory aspect of legal prevention; about the militarization of the criminal system of the USSR during the Great Patriotic War with the goal of speedily defeating Nazi Germany.

Keywords: philosophy of law; legal values; legal system; state legal policy in the field of scientific and technological development; legal means; abuse of law; legal fact; proof; informatization of the social sphere; public authority; national policy; artificial intelligence; state language; legal doctrine; legal prevention; military law; criminal law.

For citation: Syrykh V. M., Barzilova I. S., Trofimov V. V., Shaikhutdinov E. M., Panchenko V. Yu, Egorov G. G., Kuznetsova E. V., Ignatova K. E., Kuzmin I. A., Milovanova D. B., Nebratenko O. O., Tikhonov Ya. I., Fatyanov A. A., Polunichev A. I. Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Rassolov Readings,” Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth of the Scientist, Teacher, Writer, Doctor of Law, Professor Mikhail Mikhailovich Rassolov (1948–2013), All Russian State University of Justice, 9–14 October 2023. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 236–251. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-236-251>

Открывая пленарное заседание Всероссийской научно-практической конференции «Рассоловские чтения», посвященной 75-летию со дня рождения ученого, педагога, писателя, доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Рассолова (1948–2013), **В. М. Сырых** рассмотрел тему «Философия права как научная дисциплина» и отметил, что формирование философии права как научной и учебной дисциплины большинством российских правоведов рассматривается как позитивное явление, позволяющее успешно разрабатывать фундаментальные проблемы правовой науки, которые ранее разрабатывались общей теорией права. При этом, предполагается, что разработка названных проблем должна осуществляться посредством применения философских категорий сообразно специфике действия права и иных компонентов правового регулирования. В результате оказалось, что у разработчиков философии права отсутствует единое понимание ее предмета и места в составе отраслей научного знания, а результаты исследования характеризуются субъективизмом и догматизмом.

По мнению одних авторов, философия права является юридической наукой, тогда как другие авторы определяют ее место в системе философских наук. В частности, С. С. Алексеев интерпретирует философию права, как вершину обобщенных юридических знаний [1, с. 394], тогда как Н. В. Михалкин и А. Н. Михалкин видят в ней самостоятельную отрасль философии [2, с. 363–364].

Неясность с предметом философии права объясняется отсутствием закономерностей, которые могли бы составить ее предмет. Общеизвестно, что исследуемые наукой связи по степени общности дифференцируются на два вида: всеобщие – философские и конкретно-научные, исследуемые специальными науками. Каких-либо иных закономерностей реально сущая действительность не знает.

Философия как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления отражается в системе законов и категорий диалектики. Это законы единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицание отрицания, а также категории сущности и явления, содержания и формы, возможности и действительности, необходимости и случайности, причины и следствия и др. Применение названных законов и категорий в конкретных науках, в том числе и в правоведении осуществляется прямо и непосредственно и в каких-либо паллиативных философских разделах, призванных раскрыть перевод философского знания применительно к специфике исследуемых явлений и процессов, не нуждается.

Имевшие место в истории науки философские разделы в виде натурфилософии, философии истории, философии права характеризуют определенную степень конкретно-научного знания, когда закономерные связи исследуемых явлений не были открыты и «место действительной связи, которую следует обнаружить в событиях, занимала связь, измышленная философами» [3, с. 305]. Аналогичными результатами характеризуются философско-правовые исследования современных исследователей. По меткому замечанию В. Н. Жукова, «вместо философии, мы получили «любительский капуста», где каждый волен написать любую невмятицу, подав ее в качестве «собственного видения мира», а иногда даже – «нового слова» в философии. На этом убогом фоне марксизм или просто классический европей-

ский рационализм смотрятся как высокая культура, противостоящая упадку и интеллектуальному варварству» [4, с. 148].

Изучение конкретных закономерных связей составляет прерогативу конкретных наук. В правоведении изучение общих фундаментальных законов права составляют предмет общей теории права, которые она выводит не посредством философского умозрения, а восхождением от абстрактного к конкретному. Философские законы и категории в процессе познания конкретного выступают в качестве ступени и средства познания конкретного, но сами по себе знаний конкретного содержать не могут. Как справедливо отмечал Ф. Энгельс, «с одним знанием того, что ячменный стебель и исчисление бесконечно малых охватываются понятием «отрицание отрицания» я не смогу ни успешно выращивать ячмень, ни дифференцировать, ни интегрировать» [5, с. 146].

Предельные основы права, закономерный ход его развития могут быть раскрыты лишь в процессе последовательного восхождения от уяснения конкретно-исторических условий функционирования права до раскрытия и обоснования его закономерного хода сообразно современным условиям его бытия, в котором решающее значение имеют уровень экономического развития общества и его культуры.

В этом процессе философия права играет решающую роль в качестве определителя всеобщих связей конкретного, но не способна сама по себе раскрывать каких-либо фундаментальных связей и зависимостей правовой науки. Соответственно, не имеется потребности в новой научной дисциплине – философии права – ни на уровне всеобщих философских знаний, ни на уровне конкретных знаний правовой науки.

И. С. Барзилова в своем выступлении на тему «Ценности российского права: взгляд с позиции ученого первой половины XXI века» отметила, что в настоящее время происходят значительные изменения в российской правовой системе. Эти процессы касаются всех отраслей права, всех сфер правового регулирования. Поэтому особенно важно выбрать правильный вектор развития, определить пути дальнейших изменений в праве. Особо актуальной является в настоящее время проблема правовых ценностей, их системы, содержания, значимости для российского общества.

Существующая система правовых ценностей имеет глубокие исторические корни, философское обоснование, основана на российских мировоззренческих позициях, отечественных традициях. Поэтому важно очень бережно относиться к праву, его основополагающим принципам, основам, руководствуясь подходом «не навреди».

С позиции современного ученого-теоретика, думается, следует обращать внимание и на то, как мы все относимся к самому праву, его роли в российском обществе.

Правовые ценности весьма важны для современного российского общества. Казалось бы, все хорошо знают эти извечные человеческие ценности, им посвящены многие отечественные труды ученых-теоретиков. Но именно в настоящее время эти ценности подвергаются определенной угрозе, предлагаются «новаторские», радикальные способы и методы правового регулирования, ставящие данные ценности под вопрос. И мы, безусловно, не можем не реагировать на это.

Ученые-теоретики в настоящее время находятся в довольно сложной ситуации. С одной стороны, они должны сохранить, отстоять базовые человеческие ценности

в праве, с другой – оперативно реагировать на происходящие в обществе изменения, не оставаться в стороне. И это довольно сложная задача, но вполне разрешимая.

Представляется, что именно взвешенный подход к оценке правовых ценностей, их роли и значения для современного права позволит исследователям выработать рекомендации по совершенствованию права, механизма правового регулирования. Теория государства и права, безусловно, играет в этом процессе важную роль.

В. В. Трофимов в докладе на тему «Государственно-правовое обеспечение научно-технологического развития современной России: проблемы, подходы, перспективы» обратил внимание, что профессор М.М. Рассолов, разрабатывая сложные проблемы теории и истории государства и права, истории политических и правовых учений, умел смотреть в будущее государственно-правового развития страны и мира.

Одним из первых он стал изучать право в контексте новых информационных технологий, понимая, что последние существенно меняют структуру социальных и правовых отношений, определяют возникновение новых объектов правового регулирования, субъектов данных отношений, новый характер социально-юридических связей, что, безусловно, должно становиться предметом пристального внимания в рамках юридической профессии. Верно в этой связи было им замечено в предисловии к одному из новаторских в 1990-е гг. изданий по правовой информатике, праву информационных технологий: «современному правоведа, где бы он ни работал, необходимо иметь представление об информации, компьютерах, системах управления и информации в предпринимательских фирмах, в банках, в органах государственной власти, суда, прокуратуры и т. д. Без этого юрист сейчас не может эффективно выполнять свои функции, задачи и в конечном итоге – быть двигателем рыночных и правовых преобразований в нашем обществе» [6, с. 3].

В настоящее время мы также (в том числе и в нашей стране – в России) «переживаем» новый виток социального интереса к передовым научным разработкам и инновационным технологиям, с которыми связываются многие перспективы развития, а также такой важный аспект государственности, как «технологический суверенитет», под которым предлагается понимать способность государства располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения его производственной мощи, благосостояния и конкурентоспособности. Технологический суверенитет государства – это то, без чего невозможно добиться внешней безопасности, а также ответить на все угрозы и вызовы, которые возникают по отношению к национальному уровню в современном мире.

В связи с этим перед государственной властью встает основной вопрос, как и какими путями технологический суверенитет в государстве достичь. Очевидно, что решение задачи по активному переходу российского общества на вектор инновационного (целенаправленного научно-технологического) развития не может осуществляться произвольным образом, спорадически или бессистемно. Это должна быть плановая и организованная работа по всем направлениям, с которыми связано осуществление социально-экономической модернизации, и на различных публично-правовых уровнях (федеральном, региональном, муниципальном).

К такому настрою государственно-правовой системы современной России, всех ее основных и вспомогательных компонентов, призвана государственно-право-

вая политика в сфере научно-технологического развития – научно обоснованная, последовательная и системная деятельность уполномоченных субъектов публично-властной компетенции по созданию эффективного механизма государственного воздействия и правового регулирования, по цивилизованному использованию государственных и юридических средств в достижении целей научно-технологического и инновационного развития.

Е. М. Шайхутдинов обратился к теме «Злоупотребление правом в сфере экономики». Он отметил, что злоупотребление правом – сложная этико-правовая категория, тесно связанная с оценочными понятиями добра и зла, разумностью, справедливостью, апеллирующая к внутреннему убеждению правоприменителя, основанному, в том числе на жизненном опыте, культурных традициях, менталитете. Е. М. Шайхутдинов предложил следующее рабочее определение злоупотребления правом – это деяние (действие или бездействие) имитирующее реализацию норм права, при которой субъект права изначально преследует цель, не предполагаемую нормой права, а правовой механизм используется исключительно как средство достижения результата, противоречащего очевидной цели реализации нормы, что влечет причинение вреда (угрозы вреда) законным интересам других лиц, общества или государства.

Применительно к сфере экономической деятельности в контексте современной практики арбитражных судов видится две наиболее чувствительные сферы, в которых злоупотребление правом несет наибольшую угрозу правопорядку, нарушает интересы общества и государства.

Первая сфера – это легализация денежных средств, полученных преступным путем, вторая – несостоятельность (банкротство) хозяйствующих субъектов. Наиболее распространенная методика злоупотребления в обоих случаях имеет значительное сходство – создание с помощью правовых судебных механизмов фиктивной задолженности (см., например, Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2020 г.).

Второй аспект – искусственное создание задолженности преследует своей непосредственной целью *последующее контролируемое банкротство* должника, в рамках которого недобросовестный кредитор (заявивший о банкротстве первым), имеет возможность предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, а также влиять на ход процедур банкротства. В судебной практике при рассмотрении требований кредиторов арбитражным судом подлежит применению *повышенный стандарт доказывания*, предполагающий необходимость проверки обоснованности и размера требований кредиторов независимо от наличия разногласий относительно этих требований между должником и лицами, имеющими право заявлять соответствующие возражения, с одной стороны, и предъявившим требование кредитором – с другой стороны.

В. Ю. Панченко в выступлении на тему «Проблемы понятия юридического факта» обратил внимание на то, что о юридическом факте как явлении правовой действительности можно говорить только в случае, когда фактические обстоятельства надлежащим образом установлены, т.е. доказаны. Под юридическим доказывани-

ем (доказыванием в юридической деятельности) в самом широком смысле следует понимать разновидность познания, которая представляет собой мыслительную и практическую деятельность субъекта и участников по установлению достоверного знания о конкретных фактических обстоятельствах той или иной жизненной ситуации прошлого, влекущих правовые последствия.

В строгом профессиональном юридическом значении понятия, доказывание – это исключительно деятельность правоприменителя, его прерогатива, поскольку именно правоприменитель осуществляет познавательную деятельность, имеющую юридические последствия. Именно он устанавливает по правилам той или иной юридической процедуры наличие либо отсутствие юридического факта, его доказанность путем собирания, проверки и оценки доказательств, а мнения и суждения иных участников правоприменительного процесса – это их версии событий прошлого, которые преследуют цель убедить правоприменителя в правоте позиции конкретного лица по делу (истца, ответчика, потерпевшего, заявителя и т.д.), отвечающей его интересам, и помогают правоприменителю правильно установить фактические обстоятельства (критика, постановка под сомнение позиций другого участника юридического процесса способствует более качественной познавательной деятельности правоприменителя).

Выступая в секции теории государства и права, **Г. Г. Егоров** посвятил свой доклад теме «Особенности создания систем дистанционной социальной поддержки (на примере Великобритании)». Он отметил, что согласно проведенному исследованию ООН, одним из наиболее обеспеченным в цифровом аспекте государством признает Великобританию, в которой данная сфера активно реализуется с 2012 г. через национального портала государственных услуг *GOV.UK*. Введение данного комплекса, как отмечает *Oxford Learners Dictionaries*, позволило обеспечить повышение эффективности социальной поддержки населения и сэкономить около 1,7 млрд фунтов стерлингов в 2014 г. В частности, на странице получения финансовой помощи для инвалидов «Доступ к работе» (*Access to Work*) информация представлена в структурированном и сжатом виде, при этом с сохранением значимых моментов, в то же время данный раздел представляет информацию о том, кто может претендовать на получение финансовой помощи, какие услуги можно оплатить за счет государства, а также как подать заявку на получение помощи. Информация представлена в виде простых и понятных текстов, а также в виде графиков и таблиц.

Также сайт *GOV.UK* использует нелинейную форму организации системы хранения и классификации информации. Логика построения данного ресурса исходит от общих, для данного профиля разделов информации, включая в себе более узко-профилированные разделы, построение которых позволяет структурно организовывать более конкретные сферы информационного представления. Это позволяет пользователям быстро и легко найти необходимую информацию.

Британский правительственный портал госуслуг *GOV.UK* является передовым примером того, как можно предоставлять государственные услуги гражданам в цифровом формате. Отсюда, важно ввести аналогичные сервисы в России – разработать систему онлайн-оформления документов на социальные услуги, внедрение которой позволит гражданам сэкономить время и усилия на оформление документов.

Продолжила дискуссию **Е. В. Кузнецова**, которая выступила на тему «Система и структура публичной власти: основные подходы к пониманию». Она отметила, что термины «публичная власть», «единая система публичной власти» получили свое конституционное закрепление в 2020 г. В научной литературе неоднократно подчеркивалась взаимосвязь сущности публичной власти и принципа народовластия, как основы конституционного строя, сопоставление публичной и общественной власти (С. А. Авакьян, В. А. Лебедев, В. В. Комарова и др.). Широкий подход к пониманию системы публичной власти рассматривает публичную власть как государственно-общественное явление. В качестве идеи может быть предложен подход, в соответствии с которым система публичной власти может включать несколько подсистем (институциональную, нормативную, ценностно-ориентационную или идеологическую), при этом организационная подсистема (органы публичной власти) является лишь частью системы публичной власти.

К. Э. Игнатова остановилась на проблеме «Современные вызовы мультикультурного общества в России», подчеркнула, что историческое наследие отечественного государства – полиэтничное и межконфессиональное российское общество. Российское многонациональное общество уникально не только по своей самобытности в духовно-нравственной сфере, но и имеет отличительные особенности в вопросах культурного развития народов страны.

Российское государство демонстрирует возможность использовать языковую, историческую и культурную общность как элемент, обеспечивающий единство многонациональной и полиэтничной страны. Накопленный культурно-исторический опыт выступает объединяющим фактором для народов России, которые являются неотъемлемой частью отечественного государства. Он способствует не только консолидации общества, но и своевременному реагированию на вызовы, стоящие перед Российской Федерацией.

Одной из угроз, требующей эффективного регулирования, является неконтролируемая миграция. Миграционная привлекательность России и неравномерное распределение миграционных потоков по ее территории может оказать негативное влияние на процессы стабилизации и гармонизации межнациональных отношений. В этой связи, действующая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. устанавливает в качестве основных целей: поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе; защиту и сохранение русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода.

Реализация миграционной политики осуществляется с учетом этнокультурного многообразия народов России, порождая мультикультурный диалог между ними и мигрантами, успешно интегрировавшимися в российское общество

Российская Федерация, как многонациональное государство, подошла к построению мультикультурного общества со стороны реализации внутренних и внешних интересов. Европейская попытка установления мультикультурализма была обречена на провал, показав свою неспособность урегулировать отношения между представителями различных национальных, этнических и религиозных групп, так как из-

начально не предусматривала обязательный интеграционный процесс. Построение мультикультурного общества является сложным и длительным процессом, который требует разработки комплексных мер на всех уровнях государственной власти.

И. А. Кузьмин обратился к вопросу «Искусственный интеллект как объект правового наказания: реалии настоящего и стратегии будущего», подчеркнув, что нынешний правовой статус систем и технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) позволяет считать их объектом права и объектом правового наказания соответственно. В свою очередь, наметившиеся тенденции развития и обучения ИИ «сильного типа» (General AI), в прямом смысле заставят человечество признать за ним статус субъекта права и оперативно внедрить в юридическую деятельность механизмы киберответственности и систему кибернаказаний.

Появившиеся в середине прошлого века и широко распространенные на сегодняшний день системы «слабого» или «узкого» ИИ (*Narrow, Weak AI*), призванные решать заранее ограниченный круг задач в конкретной области, были и остаются программными решениями, превосходящими традиционные программные средства, но не способными претендовать на соперничество с интеллектуальными и когнитивными способностями человека. Сильный ИИ обладает способностями самообучения и адаптации к любым, влияющим на него, изменениям в окружающей среде, принимая тактические и стратегические решения по оптимальному достижению поставленных перед ним результатов, включая и автономное изменение координат целеполагания – базовых настроек. В этом смысле технологиям сильного ИИ будут присущи (кибер)когнитивные свойства, (кибер)рефлексия, в силу чего приближенность их творческого и иного потенциала к человеческому будет максимальным. ИИ уровня «выше слабого» уже активно внедряются в публичные функции разработки и принятия законов, судопроизводства, поиска и распознавания преступников, оптимизации правоприменения и многие другие.

Так как появление сильного ИИ – вопрос ближайшего будущего, то уже сейчас следует концептуально обсуждать и внедрять в соответствующих социально-технических нормах, правовых документах регулятивные механизмы принудительного воздействия, включая и кибернаказания (в виде аппаратных ограничений, физического отключения всех или части систем, используемых ИИ и др.), которые рассматриваемые технологии смогут распознать как наказания и адекватно отреагировать на них в будущем.

Д. Б. Милованова в выступлении на тему «Язык как объект правового регулирования. Новое в законодательстве о государственном языке Российской Федерации» отметила, что одной из областей пересечения языка и права является область, в которой язык выступает объектом правового регулирования. Правовое регулирование языковых вопросов отражено в нескольких нормативно-правовых актах.

До изменений, внесенных в 2023 г., не было определено понятие «нормы современного русского литературного языка», а также недостаточно был урегулирован порядок утверждения норм. В Законе 2005 г. было указано, что «порядок утверждения норм современного русского литературного языка определяется Правительством Российской Федерации». В 2006 г. вышло постановление Правительства № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного язы-

ка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации», в котором сказано, что Правительство Российской Федерации на основании рекомендаций Правительственной комиссии по русскому языку утверждает список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка, правила русской орфографии и пунктуации, а также утверждает требования к составлению словарей. В 2009 г. в соответствии с этим Постановлением вышел Приказ Минобрнауки, в котором был утвержден список из четырех словарей: 1. Орфографический словарь русского языка. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. М., 2008; 2. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Зализняк А.А. М., 2008; 3. Словарь ударений русского языка. Резниченко И.Л. М., 2008; 4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Телия В.Н. М., 2008.

Однако наличие утвержденного списка словарей не смогло урегулировать вопросы, возникающие в процессе использования русского языка как государственного в определенных сферах. Обращение к словарям иностранных слов необходимо для соблюдения положения Закона № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» о том, что иностранные слова не могут употребляться при использовании русского языка в качестве государственного, если они имеют общеупотребительные аналоги в русском языке (п. 6 ст. 1). Кроме того, данный список словарей нуждается в постоянной актуализации, однако порядок актуализации не определен действующими нормативными актами, поэтому список словарей, изданных в 2008 году, не обновлялся более десяти лет.

О. О. Небрatenko остановилась на анализе научной проблемы «Общность и расхождение правовой доктрины и смежных понятий», предложив понимать под правовой доктриной систематизированное учение, оказывающее влияние на формирование права и общественные отношения, которое служит воплощением государственного и общественного идеала, поскольку определяет приоритетные направления, закономерности и тенденции развития законодательства и практики.

Доктрина обладает большим авторитетом среди юристов и в обществе, нежели правовая наука, не все научные положения могут быть определены как доктрина, а лишь те, которые получили массовое признание, на их основе сформировано единое мнение и которые требуются практике. Наука будет совпадать с доктриной в случае принятия и одобрения научного положения научным сообществом, будет воспринята и осмыслена юридической практикой. Не каждое научное положение апробируется практикой.

Сопряженными с доктриной категориями являются теория и учение, носящие характер элементов юридических и прочих наук. В этом смысле теории являются составной частью науки, они открыты для дополнения или даже опровержения, но чаще для продолжительной апробации. Наиболее динамичным явлением, синонимичным доктрине, является учение как русский эквивалент доктрины, но, в отличие от последней, оно обязательно персонифицировано. Учение обязательно присуще ученому, взявшему на себя ответственность в первую очередь репутаци-

онного характера, выдвинуть логически обоснованную систему мыслей и идей на суд научной общественности.

Стратегия сопряжена с деятельностью отдельного государства, его органов, их представителей, в ней чаще всего определяется конечная цель и срок достижения.

Концепция представляет собой систематизированную совокупность мыслей, идей, ведущий замысел, руководящую идею, безусловно требующих официального подтверждения или хотя бы иной прикладной апробации. Научный уровень концепции, безусловно, уступает доктрине. В этом смысле концепция носит технический характер и должна быть присуща любому научному исследованию. Ее наличие дает основание ожидать высокий уровень вероятности научного обоснования выводов, ставших результатом научно-исследовательской работы.

Я. И. Тихонов в выступлении на тему «Юридическая превенция: публично-рекомендательный аспект» отметил, что юридическая превенция повсеместно находит свое воплощение в праве, поскольку практически везде существует необходимость в функционировании правовых норм, характеризующихся наличием целей предупреждения каких-либо негативных явлений (превентивных норм). Предупреждаемые превентивными нормами негативные явления весьма разнообразны и проявляются не только в качестве правонарушений, но и в качестве эпидемий, вооруженных конфликтов, стихийных бедствий, и т.п. Юридическую превенцию, как комплексное правовое явление, можно понимать в двух основных аспектах: институциональном (как совокупность правовых норм, характеризующихся наличием целей предупреждения негативных явлений) и функциональном (направлении соответствующего правового воздействия на общественные отношения).

В функциональном плане, с учетом субъектного состава участников правоотношений, в демократическом государстве можно выделить публично-рекомендательный аспект юридической превенции, когда определенные субъекты права, не имея властных полномочий, с целью предупреждения негативных явлений способны законно влиять на деятельность органов и должностных лиц публичной власти.

Таким образом, наряду с государственной (публичной) юридической превенцией в условиях функционирования правового государства и гражданского общества можно говорить о публично-рекомендательном аспекте понимания юридической превенции, в рамках которого определенные субъекты права, не имея властных полномочий, опосредованно оказывают законное влияние на деятельность органов и должностных лиц публичной власти в целях контроля за соблюдением прав и предупреждения правонарушений.

Выступая в заседании секции истории государства и права, **А. А. Фатьянов** и **А. И. Полуничев** в совместном докладе на тему «Особенности уголовной системы СССР в период Великой Отечественной войны» отметили, что в период резко возникшего вооруженного конфликта или обострения кризисной ситуации, происходит быстрое реформирование всей системы права для обеспечения стабильности государства, ее подчинения нуждам военного времени. При данных изменениях, как правило, отдается приоритет отдельным, наиболее нужным отраслям, таким как: уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и административное право. Проводя аналогию с экономикой, право «переводится на

военные рельсы», и таким образом, превращается из «права мирного времени» в «право военного времени», приобретая ряд особенностей, свойственных ему только в конкретный промежуток времени или при конкретной обстановке. При таком толковании, уголовное право, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право в период с 22 июня 1941 г. по 2 сентября 1945 г., понимаются как самостоятельные институты права военного времени.

Помимо расширения составов преступлений, были ужесточены наказания. За наиболее общественно-опасные, при поправке на период военного времени, преступления, были увеличены наказания. Например, за самовольный уход рабочих с предприятий, было введено наказание в виде тюремного заключения на срок от пяти до восьми лет. При этом, одной из главных целей наказания, стала кара за содеянное. Частой практикой являлась отсрочка исполнения приговора при наличии смягчающих обстоятельств до окончания военных действий, при условии направления подсудимого на фронт.

Уголовный процесс в период Великой Отечественной войны, из-за необходимости быстрого расследования и раскрытия преступлений, также претерпел значительные изменения. По некоторым категориям дел (как правило, в сфере труда), предварительное следствие не проводилось. Большинство народных судов были реформированы в военные трибуналы.

Таким образом, уголовному праву в военное время советское руководство придало не карательную сущность, а направило ее на обеспечение победы над жестоким и беспощадным врагом, в соответствии с принципом «*malus necessarium*».

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999.
2. Михалкин Н. В., Михалкин А. Н. Философия права. М. : Юрайт, 2011.
3. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Сочинения. Т. 21. М. : Политиздат, 1961.
4. Жуков В. Н. Философия права. М. : Мир философии, 2011.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Сочинения. Т. 20. М. : Политиздат, 1961.
6. Рассолов М. М., Элькин В. Д., Рассолов И. М. Правовая информатика и управление в сфере предпринимательства : учебное пособие. М. : Юрист, 1996.

References

1. Alekseev S. S. Law. Experience of Complex Research. Moscow: Statut, 1999. (In Russ.)
2. Mikhalkin N. V., Mikhalkin A. N. Philosophy of Law. Moscow: Iurait, 2011. (In Russ.)
3. Engels F. Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy. In Works. Vol. 21. Moscow: Politizdat, 1961. (In Russ.)
4. Zhukov V. N. Philosophy of Law. Moscow: World of Philosophy, 2011. (In Russ.)
5. Engels F. Anti-Dühring. In Works. Vol. 20. Moscow: Politizdat, 1961. (In Russ.)
6. Rassolov M. M., Elkin V. D., Rassolov I. M. Legal Informatics and Management in the Field of Entrepreneurship: Proc. Allowance. Moscow: Iurist, 1996. (In Russ.)

Сведения об авторах:

В. М. Сырых – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

И. С. Барзилова – доктор юридических наук.

В. В. Трофимов – доктор юридических наук, доцент.

Е. М. Шайхутдинов – кандидат юридических наук.

В. Ю. Панченко – доктор юридических наук.

Г. Г. Егоров – кандидат юридических наук, доцент.

Е. В. Кузнецова – кандидат юридических наук, доцент.

К. Э. Игнатова – старший преподаватель.

И. А. Кузьмин – кандидат юридических наук, доцент.

Д. Б. Милованова – кандидат филологических наук.

О. О. Небрatenko – кандидат юридических наук, доцент.

Я. И. Тихонов – кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Фатьянов – стажер-исследователь.

А. И. Полуничев – стажер-исследователь.

Information about the authors:

V. M. Syrykh – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

I. S. Barzilova – Doctor of Law.

V. V. Trofimov – Doctor of Law, Associate Professor.

E. M. Shaykhutdinov – PhD in Law.

V. Yu. Panchenko – Doctor of Law.

G. G. Egorov – PhD in Law, Associate Professor.

E. V. Kuznetsova – PhD in Law, Associate Professor.

K. E. Ignatova – Senior Lecturer.

I. A. Kuzmin – PhD in Law, Associate Professor.

D. B. Milovanova – PhD in Philology.

O. O. Nebratenko – PhD in Law, Associate Professor.

I. I. Tikhonov – PhD in Law, Associate Professor.

A. A. Fatyanov – Trainee Researcher.

A. I. Polunichev – Trainee Researcher.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 06.05.2024.